

Фалько В. И.

О СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ОДНОМОДУСНОГО ВРЕМЕНИ

Понятие одномодусного времени, введённое А.И. Уёмовым [1], может быть интерпретировано не только на примере философски осмысленного музыкального времени [2], но и на материале социального времени в человеческой истории и восприятии времени в сознании различных эпох и культур. Тем самым, логика времени, разрабатываемая на основе аксиоматики Уёмова, может быть применена в исторических и общественных науках. Рассмотрим кратко некоторые исторические и культурно-цивилизационные типы восприятия времени, преломляющиеся через его осмысление в философском и художественном сознании.

Самым ранним и самым универсальным примером исторического времени, переживаемого людьми как близкое к одномодусному, является, пожалуй, социальное время традиционного общества, которое длилось многие тысячи лет. Прошлое и будущее в традиционном мышлении и восприятии времени не отличаются друг от друга, история только становится и ещё не осознаётся в модусах прошлого как безвозвратно ушедшего, уже несуществующего, настоящего – живого, но моментально проходящего, и будущего – неведомого и ещё не длящегося в своём приближении.

Времена минувшие, нынешние и грядущие мыслятся в пространственных формах, уподобляемы реке, где вода течёт на всём своём протяжении. И этот образ реки времени сохраняется надолго в поэтических метафорах, а затем обретает и теоретическое осмысление в философии Гераклита, переживающего революционный выход эллинского мира из состояния традиционного общества в открытое. Гераклит, по крайней мере, в дошедших до нас фрагментах, не выделяет во времени настоящее как особую точку, уравнивая каждый момент времени с любым другим: «*Один день равен всякому*»; «*И одно и то же... туда-сюда ходящие по кругу и сменяющие друг друга в игре века*» [3, с. 226; 205]. Подчёркивая равенство всех моментов времени между собой, Гераклит Тёмный не так уж много мог сказать о структуре времени. И, вместе с тем, его «*всё течёт*» означает и «*всё изменяется*», в противовес утверждению элеатов о существовании как неизменности.

Перемены, происходящие во времени – от смены дня и ночи и времён года до чередования Космоса и Хаоса, в языческом мировоззрении мыслятся как вечный и неизменный циклический процесс. Восточный тип одномодусного видения времени, характерный для традиционного и традиционалистического общества, ярко выражен в эпосе «Махабхарата», где описываемые события происходят вне привязки к историческим периодам или датам: важно то, что и как происходит и трактуется, а не то, когда это было.

Образ и понятие времени в китайской философии является циклическим, заключающим в себе пять времён (сезонов) года и не выпрямленным в стрелу, которую мы видим, начиная с античности, в европейском теоретическом и обыденном сознании. В китайской философии события и длительности неотделимы от конкретного действия, образующегося с благоприятностью момента. Это соответствует первой аксиоме логики времени Уёмова, согласно которой, «определённый момент времени может быть рассмотрен как некоторое событие. Таким образом стирается грань между моментами времени и событиями» [1, с. 274]. Однако, по мнению французского философа-синолога Франсуа Жюльена, время само по себе, рамочное для действий, представителями различных школ китайской философии не отрефлектировано. Вместо времени самого по себе китайская мысль использует понятие «сезон» [4]. Это, казалось бы, противоречит точке зрения Уёмова: «...Мы имеем в виду время как таковое, т. е. одномодусное время» [1, с. 274]. Но, на мой взгляд, Ф. Жюльен под временем самом по себе понимает стрелу времени как один из образов времени.

Однако и геометрический образ времени в виде стрелы, разделённой на прошедшее

и будущее точкой настоящего, возникающий в древнегреческой мысли, заключает в себе одномодусность, но в негативном выражении. В трактовке скептиков, время не течёт ни в одной из трёх его составляющих: прошлого уже нет, будущего ещё нет, а в настоящем как точке, не имеющей размеров, движение невозможно. Поэтому время как текущая непрерывность вообще не существует. Вместе с тем, практический характер римского мышления, руководствующегося принципом “*carpe diem*” – «лови день», живи сегодняшним днём – наделяет настоящий момент подлинным, хотя и ускользающим, бытием.

Скептическое отрицание времени, основанное на абстрактно-трёхмодусном понимании времени, теоретически и мировоззренчески преодолевается только в христианской философии Августина Блаженного, где настоящее переполняется бытием, истекающим из вечности, и время перетекает в следующий момент. В таком понимании времени, где время течёт именно и только в настоящем, его модусы приобретают смысл. Это конкретно понимаемое трёхмодусное время, моменты и отрезки которого фундированы из вечности метамоментами, сохраняется не только в теоретическом и обыденном сознании христианских народов, но и в других теистических культурах, оказываясь характерным и для нерелигиозного новоевропейского и современного мышления. Именно философия времени Августина лежит в основе логик времени А. Прайора и Г.Х. фон Вригта, других временных логиках, а также в негеометрической компьютерной модели времени А.М. Анисова.

С развитием экзистенциального мировоззрения в европейской цивилизации вновь намечается тенденция к одномодусному переживанию и осмыслению времени. Наиболее ярко это выражается в философии М. Хайдеггера, стремящейся преодолеть тысячелетнюю традицию метафизики, признающей вневременное бытие. В экзистенциальном восприятии времени бытие, в том числе переживание надвигающегося будущего, может быть только временным. А в философии абсурдизма А. Камю, отражающей характерные черты темпорального сознания XX века, в обращении к мифу о Сизифе наблюдается даже возврат к дурной бесконечности повторения одного и того же.

Тем не менее, западное восприятие и понимание времени в XX веке во многом сохраняет черты рационального трёхмодусного видения, воспринятого от эпохи Просвещения и усиленного аналитической традицией в научном и философском мышлении. Двойственность времявосприятия, сочетающего одно- и трёхмодусность, особенно ярко проявляется в прагматическом презентизме, наиболее характерном для американского типа сознания. С одной стороны, прагматизм, как и абсурдизм, не стремится к последовательному поведению, привязанному к прошлому или будущему, и живёт настоящим моментом. С другой стороны, любой момент времени, в который переносится мысль прагматика, рассматривается им как настоящий.

Рассмотренные примеры видения времени западным типом массового сознания в разные эпохи и в теоретическом осмыслении с тех или иных культурно-цивилизационных и философских позиций показывают взаимную дополнительную и неотделимость одно- и трёхмодусной темпорологических моделей. В них можно увидеть преобладание акцента на различении прошлого, настоящего и будущего. Вместе с тем, стремление к сохранению идентичности в условиях глобализации делает всё более актуальным обращение к историческим и культурным истокам европейской цивилизации и национальных общностей внутри её.

Для восточных типов мировоззрения, в большей степени привязанных к традиционализму, чем к открытому обществу, социальному и техническому прогрессу, более характерно одномодусное времявидение. Но в ходе глобализации Восток приобщается к западному типу общества и мировоззрения, и растёт амбивалентность типов времявосприятия.

Особый характер одномодусного темпорального сознания присущ Востоку-Западу, в частности, русскому мировоззрению. Глубоко укоренённая в восточном христианстве

ортодоксальность наделяет реальным бытием из вечности не только прошлое и настоящее, но и будущее. «В любом миге бытия, – писал С.Н. Булгаков, – в каждом его моменте просвечивает вечность, целостная и неделимая, в которой нет настоящего, прошлого и будущего, но все, что бывает, вневременно есть» [5, с. 177]. В соответствии с православным миропониманием, Булгаков считал, что наше Я бытийствует в трансцендентном божественно мире. А в философии всеединства В.С. Соловьёва ценностные и сверхценностные ориентиры наличествуют в вечности как сущее, а не как должное, и составляют предмет онтологии, а не только этики.

В последующую эпоху прогрессистское коммунистическое мировоззрение, утверждавшееся в СССР и целом ряде стран Восточной Европы и Азии, стало наделять будущее большей степенью действительности даже в сравнении с настоящим. Тем самым, хотя все три модуса времени наделяются реальным течением, одномодусность оказывается неорганичной и противоречивой. Сегодня она постепенно преодолевается диалогическим путём, стремящимся к достижению взаимопонимания и взаимному проникновению различных типов мировоззрения.

Вот как характеризуется российское времяосуществование, в сопоставлении с европейским, современными разработчиками философии хозяйства, основы которой заложены С.Н. Булгаковым: «Европейское времявидение, времятечение и времяпровождение весьма иное, нежели российское. Если западомыслие время от времени твердит об иррациональности и непознаваемости русской души, (читай – бытия), то с нашей стороны, действительно, их времяпротекание разумно и линейно – от прошедшего прошлого к настоящему, устремляясь к будущему. Прошлое прошло и уже иллюзорно и малосущественно, настоящее имеется и составляет смысл жизни, будущее ожидается и предусматривается».

В России – иначе. Здесь прошлое не прошло, а более или менее вечно. Настоящее – ненастоящее, ибо мнится настоящим некое будущее, одним – светлое, другим – чудовищное, третьим – грандиозное, четвертым – ничтожное. Но всем – с превосходной степенью... Прошлое здесь не является прошедшим, оно не вечно как прошедшее, а живет с каждым в его настоящем, здесь и сейчас» [6, с. 342–343].

Украина и Белоруссия, имеющие общие с Россией исторические корни в Киевской Руси, в последующей своей истории стали своего рода мостами между Западной Европой и Россией, а также другими евроазиатскими культурами. В составе Российской империи и Советского Союза происходит сближение образа жизни и сознания восточнославянских народов, в т. ч. типов времятечения и времявидения. Основой единения были не только общие культурно-исторические истоки, но также имперское государство, а в советские времена – коммунистическая идеология, тоталитарный политический режим и централизованная плановая экономика. После распада СССР народы каждого из государств идут относительно независимыми путями, переживающими сегодня очень сложный период, особенно в отношениях между Россией и Украиной.

Литературно-философское осмысление времяосуществования и переживания исторического времени в постсоветской Украине и глобальном мире очень выразительно и глубоко отражено в избранных поэтических произведениях Лины Костенко «Річка Геракліта» [7]:

Усе змінилось. Люди і часи.
Двадцятий вік уже за перелазом.

.....
Епоха зашморгнулась, як Дункан.

Спиніться, люди. Хоч поставте кому.

В этот переломный период душа поэта переживает конфликт своего сверхмодусного бытия: «Душа належить людству і епохам» – с неумолимым ускорением бега времени: «Шалені темпи. Час не наша власність». Поэт видит себя в любую эпоху своей и в то же время нигде не укоренённой, но во власти Бога:

Я скрізь своя, і я ніде не дома.
 Душа летить у посвіті епох.
 І де цей шлях почався, – невідомо.
 І де урветься, знає тільки Бог.

Стремясь преодолевать распад связи времён, поэт призывает читателей в наступающем будущем не забывать незабвенное:

Вже почалось, мабуть, майбутнє.
 Оце, либонь, вже почалось...
 Не забувайте незабутнє,
 воно вже інеєм взялось!

Поэтическому восприятию, как и украинской философии, свойственно экзистенциальное переживание времени:

Не час минає, а минаєм ми.
 А ми минаєм... ми минаєм... так-то...
 А час – це тільки відбивання такту.
 Тік-так, тік-так... і в цьому вся трагічність.
 Час – не хвилини, час – віки і вічність.
 А день, і ніч, і звечора до рання –
 це тільки віхи цього проминання.
 Це тільки мить, уривочок, фрагмент.

В этом же отрывке усматривается отмеченная выше трактовка первой аксиомы логики времени Уёмова, согласно которой стирается грань между моментом времени и событием, и ожидание того, что «будут найдены такие события, которые имеют место вечно, то есть во все моменты времени» [1, с. 276].

Поэзия Лины Костенко выражает и в немалой степени формирует сознание украинского народа и сегодня, составляя предмет многих научных исследований. Опираясь на некоторые из них, можно сделать вывод о том, что времявидение постсоветского периода в Украине во многом характеризуется тенденцией к дополнению ставшего для многих привычным трёхмодусного представления одномодусным пониманием времени.

Вместе с тем, в последние годы времяосуществование в общественно-политической жизни и его переживание в сознании людей в Украине происходит с нарастанием разрушительных тенденций к распаду связи времён. И в современных условиях очень важны как обращение к достоверным источникам исторической памяти, так и объективная оценка перспектив развития, ответственный выбор своего будущего.

В наших странах в последние десятилетия проявляются тенденции вступления в эпоху постмодерна и проникновения идей постмодернизма в искусство и философию. Зародившись на Западе, идеи и явления «постсовременности» и «постистории» дают пример нового варианта интерпретации одномодусного времени. В «конце истории» время, конечно, не застывает, события происходят, но ничего принципиально нового не возникает. Реальная история всё же продолжается, опровергая мифы о вечности либеральной цивилизации, как в концепции Ф. Фукуямы. Постмодернистский «конец света» Ж. Бодрийара, в котором мир гибнет в виртуальности круговращения ничего не значащих символов и знаков, соотносится с языческой гибелью Космоса в Хаосе – бездне, способной родить новый мир. Но продукт информационной революции и глобализации – это, скорее, Хаос как беспорядок либо его антипод-близнец – Хаос как заорганизованность, из безвременья которых вряд ли может возникнуть новый Космос. Безвременье следует отличать от вечности времени как такового.

Требуется более обстоятельный и углублённый анализ соотношения одно- и трёхмодусного времяосуществования и времявидения не только в общественной жизни, искусстве и философии, но и в науке, в том числе исторической, в различных логических системах и теориях систем, а также времятечения природе.

Однако из краткого обзора интерпретаций логики одномодусного времени можно

сделать вывод, что оно не является только формальным конструктом. Однодусное время обнаруживается в качестве реальной составляющей любого типа исторического времени, дополнительным к трёхдусному времявидению. Поэтому очень важны разработка и применение логики времени, которые раскроют её большой исследовательский потенциал.

Список литературы:

1. Уёмов, А.И. Послесловие / А.И. Уёмов // Л.Н. Любинская, С.В. Лепилин. Проблема времени в контексте междисциплинарных исследований. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 272–276.
2. Фалько, В.И. Философия музыки А.Ф. Лосева как интерпретация параметрической общей теории систем и логики времени А.И. Уёмова / В.И. Фалько // Уёмовские чтения I–IV (2013–2016): материалы Научных чтений памяти Авенира Уёмова / Философский факультет ОНУ им. И.И. Мечникова. – Одесса, Печатный дом, 2016. – С. 284–290.
3. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. – М.: Наука, 1989. – 576 с.
4. Жюльен, Ф. О «времени». Элементы философии «жить» / Ф. Жюльен. – М.: Прогресс – Традиция, 2005. – 280 с.
5. Булгаков, С.Н. свет невечерний: Созерцания и умозрения / С.Н. Булгаков. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
6. Казанцев, Н.М. Времясуществование хозяйства и государства России / Н.М. Казанцев // Преодоление времени (по материалам международной научной конференции, посвященной творческому наследию С.Н. Булгакова). – М.: Издание Московского университета; ТЕИС, 1998. С. 342–368.
7. Костенко, Л.В. Річка Геракліта / Ліна Костенко. – Київ: Либідь, 2011. – 336 с.